

УДК 316.344

DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-3-0-4

Реутов Е. В.

Планирование личного будущего в нестабильной социальной среде и его взаимосвязь со статусом и социальной активностью

Белгородский государственный научный исследовательский университет
ул. Победы, 85, Белгород, 308015, Россия
reutovevg@mail.ru

*Статья поступила 26 августа 2019 г.; Принята 5 сентября августа 2019 г.;
Опубликована 30 сентября 2019 г.*

Аннотация. На основе результатов социологических исследований диагностируется «приближение» горизонта планирования личного будущего. Неопределенность в отношении будущего становится нормой в нестабильной социальной среде. Данная тенденция прослеживается как в глобальном и российском обществе, так и в исследуемых регионах. Целью данной статьи является выявление и описание специфики планирования личного будущего жителями российской провинции и установление взаимосвязи характера планирования и доминирующих для индивида статусных позиций. Эмпирической основой статьи являются результаты авторского социологического исследования, проведенного в двух российских регионах, а также данные всероссийских опросов. Наличие «длинных» (на срок свыше 5 лет) жизненных стратегий отмечается лишь у десятой части жителей Белгородской и Воронежской областей. При этом нельзя сказать, что массовое сознание провинциального социума проникнуто фатализмом и пассивностью. Личная активность и целеустремленность при эффективной поддержке ближайшего окружения являются ключевым фактором социального успеха с точки зрения большинства опрошенных. Отдаленность или приближенность горизонта планирования, наличие или отсутствие жизненных стратегий лишь в очень небольшой степени имеют социально-статусную детерминацию (прежде всего, возраст и уровень благосостояния). В большей мере они формируются под влиянием социально-психологических факторов, производных от специфики макросоциальной динамики и адаптационных практик ближайшего окружения. Прослеживается слабое позитивное влияние стремления к планированию личного будущего на предпринимательские установки граждан. При этом связь его с установками на трудовую мобильность и общественную активность отсутствует. Подавляющее большинство представителей провинциального социума не видит смысла в «длинных» жизненных стратегиях ввиду неопределенности социальной динамики и ограниченности социального и человеческого капитала.

Ключевые слова: личное будущее; горизонт планирования; жизненные стратегии; трудовая мобильность; общественная активность

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ «Ментальные неравенства как фактор социальной поляризации российской провинции» № 18-011-00474.

Информация для цитирования: Реутов Е. В. Планирование личного будущего в нестабильной социальной среде и его взаимосвязь со статусом и социальной активностью // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, № 3. С. 49-62. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-3-0-4

Evgeny V. Reutov

Planning a personal future in an unstable social environment and its relationship with status and social activity

Belgorod State National Research University
308015, 85 Pobedy St., Belgorod, Russia
reutovevg@mail.ru

*Received on August 26, 2019; Accepted on September 5, 2019;
Published September 30, 2019*

Abstract. The author diagnoses the “approximation” of the horizon for planning a personal future on the basis of the results of sociological research. Uncertainty about the future is becoming the norm in an unstable social environment. This trend is observed both in global and Russian society, and in the studied regions. The purpose of this article is to identify and describe the specifics of personal future planning by residents of the Russian province and to establish the relationship between the nature of planning and dominant status positions of an individual. The empirical basis of the article is the results of a sociological study conducted in two Russian regions, as well as data from all-Russian surveys. The presence of “long” (for a period of over 5 years) life strategies is noted only in a tenth of the inhabitants of Belgorod and Voronezh regions. It cannot be said that the mass consciousness of the provincial society is permeated with fatalism and passivity. Personal activity and determination with the effective support of the immediate environment are the key factors of social success from the point of view of the majority of respondents. The remoteness or proximity of the planning horizon, the presence or absence of life strategies have only a very small degree of socio-status determination (first of all, age and level of well-being). To a greater extent, they are formed under the influence of socio-psychological factors derived from the specifics of macrosocial dynamics and adaptive practices of the immediate environment. There is a slight positive effect of the desire to plan a personal future on the entrepreneurial attitudes of citizens. Moreover, there is no connection with his attitudes towards labor mobility and social activity. The vast majority of representatives of provincial society do not see the point in “long” life strategies due to the uncertainty of social dynamics and limited social and human capital.

Keywords: personal future; planning horizon; life strategies; labor mobility; social activity

Information for citation: Reutov, E. V. (2019), “Planning a personal future in an unstable social environment and its relationship with status and social activity”, *Research Result. Sociology and management*, 5(3), 49-62. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-3-0-4

Будущее есть лишь фикция ума, применяющего последствия прошлых действий к действиям настоящим.

Т. Гоббс «Левиафан»

Введение (Introduction). Предвидение, прогнозирование, проектирование своего будущего и будущего социальных систем, участником которых он является, представляет собой в той или иной степени неотъемлемый элемент рефлексии человека. Планирование личного будущего предполагает определение индивидом кратко-, средне- и долгосрочных целей в соответствии с доминирующим ценностным набором и траекторий их достижения, исходя из его ресурсного потенциала. Даже жизнь «сегодняшним днем» предполагает наличие надежд, упований, планов, вытекающих из комплекса рациональных и иррациональных ожиданий, основанных, в свою очередь, на осознании своего социального (профессионального, возрастного и пр.) и межличностного статуса, анализа (даже самого примитивного) особенностей личной и социальной ситуации, наконец, особенностях характера и темперамента индивида, результирующей которых является баланс оптимизма и пессимизма. Последний зачастую является достаточно устойчивым элементом отношения человека к действительности и сохраняется, даже несмотря на удары или, наоборот, подарки судьбы, поскольку заложен в период ранней социализации и, отчасти имеет под собой физиологическую основу.

Тем не менее, интенсивность и характер социальной динамики, так или иначе, воздействуют на индивидуальное восприятие как социальных процессов, так и собственной роли в них. Существование в состоянии неопределенности в настоящее время все в большей степени становится нормой, а не отклонением. В рискологических концепциях

мировой социологии отражена неопределенность технологических, социальных, экономических и политических процессов, отсутствие какого-либо консенсуса по поводу целевых ориентиров и приоритетов развития у представителей политических, хозяйственных и интеллектуальных элит. Но вот вопрос о влиянии нарастания риска на социальное поведение остается открытым. Как писал У. Бек, «... пока еще совершенно неясно, как действует сплывающая сила страха. Насколько прочны общества страха? Какие мотивации, какую энергию действия они освобождают?.. Побуждает ли страх к иррационализму, экстремизму, фанатизму?» (Бек, 2000: 60). Можно лишь сделать предположение об амбивалентности влияния риска и неопределенности на массовое сознание и поведение – для кого-то они – знак социального неблагополучия и источник стресса, для кого-то естественная среда обитания и сумма возможностей. Как с грустным сарказмом написал З. Бауман: «Прочность – это проклятие, как и постоянство в целом, теперь считающееся опасным признаком плохой приспособляемости к быстро и непредсказуемо меняющемуся миру, к удивительным возможностям, которые он в себе несет, и той скорости, с которой он превращает вчерашние активности в сегодняшние обязательства» (Бауман, 2005: 291). В своей последней работе «Ретротопия» З. Бауман отметил крах оптимизма в отношении будущего вследствие не столько из-за дезорганизации институтов, сколько из-за распада социальных связей на микро- и мезосоциальном уровне: «мы оказались в условиях войны всех против всех не из-за отсутствия ужасного Левиафана, а вследствие со-

присутствия многочисленных, слишком многочисленных больших, маленьких и крошечных Левиафанов» (Bauman, 2017: 48).

Методология и методы (Methodology and methods). Неопределенность и противоречивость социальной динамики последних десятилетий – как в глобальном, так и в национальном масштабе – нашли отражение в ряде социологических концепций, метафор и образов: социальной турбулентности (Яницкий, 2011; Urry, 1987), метаморфоз как непредсказуемых социальных эффектов тех или иных общественных процессов (Кравченко, 2017), глобальной дезорганизации (Lash, Urry, 1987). В каждой из них, так или иначе, поднимается вопрос об очевидности взаимосвязи неопределенности на глобальном или страновом уровне и утрате предсказуемости приватной сферы и индивидуального бытия граждан.

Значительный вклад в понимание того, как человек определяет и формирует личное будущее, внесли также теории социальной мобильности, социальной структуры, конфликта и концепция культурного капитала. Так, способность к стратегическому мышлению вполне можно интерпретировать, как одну из составляющей культурного капитала (в его инкорпорированном состоянии), который, в соответствии с концепцией П. Бурдьё, способен приносить «дополнительную материальную и символическую прибыль», особенно в условиях дефицита данного типа капитала в социальных группах и системах (Бурдьё, 2002).

В своих работах, посвященным социальным конфликтам и жизненным шансам, Р. Дарендорф отмечал, что претензии социальной группы на расширение спектра жизненных выборов и их реализацию являются причиной конфликтов, трансформации социальной структуры и закрепляют несимметричность распределения экономических и культурных благ в обществе (Дарендорф, 2002; Dahrendorf, 1979).

Исследование представлений о личном будущем и траекторий социального развития личности имеет давнюю традицию в отечественной социологии и социальной психологии. В наибольшей степени данное направление исследования развивалось в социологии молодежи как социальной группы с наиболее «длинным» исходя из физиологических параметров и неопределенным в связи с незавершенностью социализации и самоопределения будущим. В работах Г. А. Чередниченко, посвященных личным планам учащейся молодежи, отмечаются существование «закономерных связей между факторами, определяющими социальные позиции молодежи (пол, место жительства, социальное происхождение), и их ориентациями и ожиданиями при подготовке в учебные заведения» (Чередниченко, 2005), а также принципиальные различия в установках на службу в армии, продолжение образования выпускников школ, ссузов и технических лицеев (Чередниченко, 2001). В. В. Барабанова и М. Е. Зеленова по результатам применения комплекса проективных методов установили, что современные студенты при «активном поиске себя, близкого человека» и достаточно успешном овладении «основными способами учебной деятельности» находятся в состоянии неопределенности относительно своего профессионального будущего, рассматривая его через призму дихотомии «ужас - кайф» (Барабанова, Зеленова, 2002).

В современных зарубежных молодежных исследованиях также поднимаются проблемы самоопределения подростков в процессе взросления, формирования ими образов будущего (Nurmi, 1991). Обращается, в частности, внимание, на разницу во внимании к личному будущему у подростков и молодежи старше 16 лет. Так, у последних зафиксировано усиление такой формы самоконтроля, как осознание взаимосвязи между актуальным самоограничением и трудом над собой и вознаграждением за это в будущем

(Steinberg, Graham, O'Brien, Woolard, Cauffman, Banich, 2009).

Анализ литературы показывает, что в значительном количестве работ, посвященных социальной мобильности, индивидуальной активности и планированию личного будущего отводится второстепенное значение в числе факторов мобильности и успеха. Скорее, наоборот, ограничительные структурные и институциональные условия или же благоприятствующие аскриптивно-статусные позиции противопоставлялись представлениям индивидов о значимости собственных установок и способностей в продвижении наверх (Тихонова, 2000).

Целью данной статьи является выявление и описание специфики планирования личного будущего жителями российской провинции и установление взаимосвязи характера планирования и доминирующих для индивида статусных позиций. Иными словами, это попытка выяснить, как социальный статус человека влияет на жизненные планы, а также как и в какой мере планирование своего будущего может помочь (или помешать) человеку достичь жизненного успеха, маркированного набором объективных и субъективных показателей.

Эмпирической основой статьи являются результаты социологического исследования «Ментальные неравенства как фактор социальной поляризации российской провинции», проведенного в мае-июне 2018 года в Белгородской и Воронежской областях (N=1200 респондентов) под руководством автора при финансовой поддержке РФФИ. Хотя полученные нами данные можно считать репрезентативными для всей России лишь с оговорками, тем не менее, выбранные регионы можно считать, во-первых, достаточно типичными. Так, они демонстрируют показатели экономического и демографического развития, близкие к общероссийским. При этом друг от друга они отличаются размером, численностью населения и, если

можно так выразиться, уровнем провинциализма. Численность населения Воронежской области – более 2 млн человек, административный центр – город-миллионник с развитой промышленной, научной и культурной базой. Численность населения Белгородской области – около 1,5 млн человек, областной центр – относительно небольшой по численности населения город, сохраняющий сильный налет провинциализма, несмотря на неплохие показатели экономического развития в последние годы.

Выборочная совокупность формировалась по методике квотной выборки с учетом половозрастной и поселенческой структуры населения Белгородской и Воронежской областей. По поселенческому признаку были выделены три группы: городские жители, проживающие в городах с населением свыше 100 тыс. человек, городские жители, проживающие в городах с населением менее 100 тыс. человек и поселках городского типа, сельские жители. Затем в составе каждой из этих групп выделялись четыре возрастные категории: 18-29 лет, 30-39 лет, 40-59 лет, 60 лет и старше. И на заключительном этапе квотирования каждая из территориально-возрастных групп была разделена по гендерному признаку. Непосредственно отбор респондентов осуществлялся анкетерами на основе квотного задания с последующим ремонтом выборки в случае перебора или недобора представителей конкретных квот. В составе выборочной совокупности женщины составили 52,8%, мужчины – 47,2%. Возрастное распределение выборочной совокупности: молодежь 18-29 лет – 23,4%, респонденты 30-39 лет – 19,5%, 40-59 лет – 36,3%, пожилые граждане 60 лет и старше – 20,8%. Половина (50,9%) опрошенных проживает в городах с населением от 100 тыс. человек, остальные – в городских поселениях с населением менее 100 тыс. человек (16,5%) и в сельских поселениях (32,6%).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Вне зависимости от позитивного или негативного характера коннотаций неопределенности и риска в массовом сознании, прослеживается еще одно следствие их влияния – приближение горизонта планирования, вымывание долгосрочных стратегий из жизненных миров человека. Результаты мониторинга Левада-Центра свидетельствуют, что за последние почти 30 лет измерений горизонт планирования своего будущего на перспективу 5-6 лет и более был свойствен максимум пятой части россиян (21% в 2016 году). Минимальное же значение данной ориентации составляло 5% (в конце 1991 года – на фоне крушения СССР). В настоящее время (октябрь 2018 года) такой горизонт планирования признают за собой 15% респондентов. И наоборот, очень велика была и есть доля граждан с противоположными ориентациями, не задумывающихся о том, что с ними будет даже в ближайшие месяцы. Ее минимальное значение за весь период измерений составляло 37% – в 2016 году, который оказался самым благоприятным для долгосрочных жизненных стратегий, максимальное фиксировалось в декабре 1991 года – 63%. В настоящее время доля респондентов, живущих исключительно сегодняшним днем, составляет 46% – почти половина выборочной совокупности¹.

Данные этого же опроса показывают, что представления о личном будущем и о будущем страны у россиян, так или иначе, взаимосвязаны. В представлениях о будущем России также отчетливо просматривается неопределенность и непредсказуемость: лишь 9% опрошенных в состоянии представить себе ясно будущее России на срок свыше 10 лет, и еще 5% – на перспективу 5-10 лет. При этом относительное большинство участников опроса (39%) выбрали наименьший из

предложенных срок представлений о будущем страны – менее года². Вполне естественно, что в ситуации отсутствия ясности и определенности в отношении российского общества сложно формировать долгосрочные стратегии в отношении себя и своей семьи. Результаты упомянутого мониторинга ВЦИОМ достаточно отчетливо иллюстрируют взаимосвязь дестабилизации общественных ожиданий и макроэкономической и политической ситуации. Так, просматривавшемуся в ближайшей перспективе краху СССР в декабре 1991 года сопутствовала, во-первых, аномально высокая доля респондентов, которые были не в состоянии спрогнозировать свое будущее даже на несколько ближайших месяцев (63%), и, во-вторых, настолько же выбивающаяся из общей тенденции доля тех, кто вообще оказался не в состоянии ответить на вопрос о сроке планирования своей жизни (18%). В течение 2000-х – начале 2010-х гг. доля россиян, не планирующих свое будущее, стабильно снижалась, пока эта тенденция не прервалась в 2013-2015 гг. в связи с затянувшейся в России стагнацией – последствием мирового экономического кризиса и развязавшимся в результате конфликта с Украиной противостоянием с Западом. После этого в течение приблизительно двух лет массовое сознание адаптировалось к новой реальности, и определенности в отношении личных жизненных планов стало ненамного, но больше. Однако к 2018 году адаптационный потенциал в ситуации последовательного снижения уровня жизни россиян и отсутствия перспектив на урегулирование кризиса в отношениях с Западом оказался исчерпан, и уверенность вновь пошла на убыль.

Результаты нашего исследования, проведенного в Белгородской и Воронежской

¹ Горизонт планирования будущего. URL: <https://www.levada.ru/2018/11/08/gorizont-planirovaniya-budushhego/> (дата обращения: 12.03.2019).

² Там же.

областях, несмотря на некоторые отличия в инструментарии, также указывают на то, что «длинные» жизненные стратегии являются исключением во всей совокупности ориентаций массового сознания. Если, в соответствии с данными Левада-Центра, из всех россиян свое будущее на перспективу 5 лет и более могли планировать 15%, то по результатам нашего опроса, планирование своего будущего от 6 лет и более декларировали 11,2%. То есть данные оказались вполне сопоставимы. Если детализировать ответы

респондентов, то долгосрочный (более 10 лет) горизонт планирования оказался свойствен лишь незначительному меньшинству опрошенных – 6,3%, и еще 4,9% планируют свое будущее на срок от 6 до 10 лет. Преобладающими вариантами сроков планирования являются 1-2 года (именно на столько лет планируют свое будущее 24,9% респондентов), либо полное отсутствие планирования, жизнь «сегодняшним днем» (21,6%). На срок менее года планируют будущее 18,4% опрошенных, на 3-5 лет – 18,1% (таблица 1).

Таблица 1
Table 1

На какой срок вы планируете свое будущее?, %
For how long do you plan your future?, %

Значения	Частота	% от опрошенных
Не планирую будущее, живу сегодняшним днем	259	21,6
Менее года	221	18,4
На один–два года	299	24,9
На три–пять лет	217	18,1
На шесть–десять лет	59	4,9
Более десяти лет	76	6,3
Итого ответивших:	1131	94,3
Затрудняюсь ответить	69	5,8
ИТОГО	1200	100,0

Для достижения цели статьи – понимания того, какие же факторы статусного порядка определяют горизонт планирования, данные были сгруппированы в соответствии с базовыми социально-демографическими характеристиками респондентов, и проведен корреляционный анализ, позволяющий установить силу связей между статусными позициями респондентов и характером их представлений планировании будущего. Пол, возраст, поселенческий статус и уровень благосостояния выступали, соответственно, в качестве независимых переменных, а горизонт планирования – в качестве зависимой.

Затем была предпринята попытка проследить взаимосвязь между горизонтом планирования и ценностными диспозициями респондентов, характером их представлений о ключевых жизненных стратегиях. И здесь уже, наоборот, горизонт планирования являлся независимой переменной, а те или иные диспозиции – зависимыми переменными.

Группировка данных по полу респондентов сколько-нибудь существенных зависимостей не выявила, то же самое касается и поселенческого статуса. Но уже возраст оказался фактором, с которым горизонт плани-

рования будущего получил связь, хотя и слабую. Из таблицы 2 видно, что долгосрочные стратегии в наибольшей мере свойственны респондентам 30-39 лет, которые уже, в отличие от молодежи, полностью включены в трудовую деятельность и в большинстве своем имеют собственную семью, и в то же время, в отличие от старших возрастных групп, имеют в запасе гораздо больше времени для реализации значимых жизненных целей. Однако и установка на жизнь «сегодняшним днем» среди респондентов 30-39 лет оказалась распространенной не в меньшей, а в большей мере, чем у молодежи 18-29 лет. Но в наибольшей степени жизнь «сегодняшним днем» оказалась свойственна пожилым людям, что во многом объясняется этим специфическим жизненным периодом, связанным уже не столько с ожиданиями, сколько с подведением итогов. Однако какой-либо отчетливой линейной взаимосвязи между данными переменными обнаружено не было. Таким образом, возрастной статус респондентов оказался достаточно амбивалентным фактором наличия и характера планирования, а каждая возрастная группа – сильно дифференцированной по данному признаку.

Нужно сказать, что выявленные в ходе нашего исследования зависимости оказались специфичными по сравнению с общероссийскими данными, полученными Фондом «Общественное мнение» в 2019 году. Их социологи выявили достаточно определенную связь личных оценок наличия/отсутствия долгосрочного планирования с возрастом респондентов. Так, среди респондентов 18-30 лет склонность к длительному планированию (на срок свыше 10 лет) отметили 26%, среди тех, кому 31-45 лет – 17%, 46-60 лет – 12%, старше 60-ти – 7%. И, наоборот, об отсутствии какого бы то ни было планирования

сказали 10% 18-30-летних, 16% тех, кому 31-45 лет, 26% тех, кому 46-60 лет, и 47% респондентов старше 60 лет².

В нашем исследовании склонность к планированию собственной жизни у разных когорт (за исключением пожилых) выражена почти одинаково, но есть основания полагать, что различаться могут ключевые цели и ценности планирования. У молодежи это в большей степени образование и трудоустройство, у 30-39-летних – карьера, у людей зрелого возраста – дети и пр. Например, проводившие сравнительный анализ социальной конкурентоспособности молодежи 18-25 лет и взрослого трудоспособного населения 26-65 лет сибирские социологи выяснили, что при достаточно схожих значениях индекса конкурентоспособности у этих двух групп его формируют различные факторы. У молодежи это неконформизм и принятие риска и нестабильности, у взрослых – более широкий спектр ценностных ориентаций: на достижения, самостоятельность, гедонизм и др. (Немировский, Немировская, 2018).

Была также установлена слабая связь горизонта планирования личного будущего и уровня материального благосостояния – прежде всего, за счет специфики установок наименее обеспеченной категории респондентов. Среди самых бедных оказалась наибольшая доля тех, кто не планирует свое будущее – 40,6%. А в совокупности с теми, кто планирует свое будущее на срок менее года, близким горизонтом планирования обладают 62,3%. Но и у второй по степени обеспеченности группы респондентов – тех, кому денег хватает на продукты и иногда – на покупку одежды, лишь половина (49,4%) указала срок планирования своего будущего от года и выше. У более обеспеченных категорий респондентов свое будущее на год и более планируют 60-70% (таблица 3).

²Планы на будущее. URL: <https://media.fom.ru/fom-bd/d32pb2019.pdf> (дата обращения: 12.03.2019).

Таблица 2
Table 2

На какой срок вы планируете свое будущее? / Ваш возраст, %
For how long do you plan your future? / Your age, %

	18-29 лет	30-39 лет	40-59 лет	60 лет и старше	Всего
Не планирую будущее, живу сегодняшним днем	17,8	21,4	19,0	30,5	21,6
Менее года	19,9	17,1	17,9	18,9	18,4
На один–два года	28,5	23,5	26,1	20,1	24,9
На три–пять лет	22,8	17,9	18,8	11,6	18,1
На шесть–десять лет	3,2	4,7	6,0	5,2	4,9
Более десяти лет	3,6	11,1	6,4	3,8	6,3
Затрудняюсь ответить	4,3	4,3	5,7	8,8	5,8

Коэффициент сопряженности Пирсона 0,218

Коэффициент Крамера 0,111

Таблица 3
Table 3

На какой срок вы планируете свое будущее? / Как Вы оцениваете уровень благосостояния своего и своей семьи?, %

For how long do you plan your future? / How do you assess your level of well-being and the level of well-being of your family?, %

	Могу ни в чем себе не отказывать	Не могу купить квартиру, машину, но в остальном нужды не испытываю	Денег хватает на продукты и одежду, иногда – на покупку бытовой техники	Денег хватает на продукты, иногда – на покупку одежды	Приходится экономить абсолютно на всем	Всего
Не планирую будущее, живу сегодняшним днем	21,2	19,4	21,2	25,3	40,6	21,6
Менее года	10,6	18,0	20,3	25,3	21,7	18,4
На один–два года	34,1	26,0	27,9	27,9	15,1	24,9
На три–пять лет	22,4	23,9	19,2	12,3	7,5	18,1
На шесть–десять лет	3,5	5,2	7,0	2,6	4,7	4,9
Более десяти лет	8,2	7,5	4,5	6,5	10,4	6,3

Коэффициент сопряженности Пирсона 0,249

Коэффициент Крамера 0,114, Вероятность ошибки (значимость): 0,000

Если в предыдущих случаях горизонт планирования выступал в качестве зависимой переменной, испытывающей (или не испытывающей) влияние статусных характеристик респондентов, то в последующем анализе он стал независимой переменной – для того, чтобы выяснить, существует ли взаимосвязь между планированием личного будущего и достигательскими установками респондентов, их активностью в профессионально-деловой и общественной сфере. В результате корреляционного анализа выяснилось, что существует слабая связь между горизонтом планирования и установкой на

предпринимательскую активность. Однако эта связь – не линейного характера. Хотя предпринимательские установки в наибольшей степени оказались выражены в группе респондентов с самым отдаленным горизонтом планирования (более 10 лет), предшествующая категория респондентов со сроком планирования будущего 6-10 лет по выраженности предпринимательских установок оказалась практически аналогичной тем, кто вообще не планирует своего будущего (таблица 4).

Таблица 4
Table 4

Хотите ли Вы открыть свое дело, заняться предпринимательством? / На какой срок вы планируете свое будущее?, %

Do you want to open your own business, do business? / For how long do you plan your future?, %

	Не планирую будущее, живу сегодняшним днем	Менее года	На один-два года	На три-пять лет	На шесть-десять лет	Более десяти лет
Я уже являюсь предпринимателем	5,0	2,3	5,4	6,5	8,5	3,9
Да, хочу	23,9	33,0	36,5	35,9	22,0	40,8
Нет, не хочу	61,4	55,2	46,5	47,9	59,3	48,7
Затрудняюсь ответить	9,7	9,5	11,7	9,7	10,2	6,6

Коэффициент сопряженности Пирсона 0,178
Коэффициент Крамера 0,090

В своей работе 1990-х гг., посвященной жизненным стратегиям в переходном обществе, Н. Ф. Наумова отмечала, что «большой диапазон рациональности-иррациональности, характерный для переходного общества, делает рациональность чрезвычайно важной характеристикой социального поведения» (Наумова, 1995: 9). Однако проблема как раз и состоит в том, что шансы на реализацию рационального типа поведения имеют немногие – преимущественно высокоресурсные

группы, обладающие инсайдерской информацией и значительным объемом социального капитала.

Установка на профессиональную мобильность оказалась практически не зависящей от величины горизонта планирования. Желание сменить профессию, род занятий в наибольшей мере свойственна как респондентам с горизонтом планирования «менее года» (22,6%), так и тем, кто планирует свою жизнь на 3-5 лет (также 22,6%) (таблица 5).

Таблица 5
Table 5

Если Вы работаете, хотели бы Вы поменять профессию, род занятий? / На какой срок вы планируете свое будущее?, %

If you work, would you like to change your profession, occupation? / For how long do you plan your future?, %

	Не планирую будущее, живу сегодняшним днем	Менее года	На один-два года	На три-пять лет	На шесть-десять лет	Более десяти лет
Да	15,4	22,6	17,4	22,6	20,3	19,7
Нет	42,1	38,9	47,5	45,6	42,4	52,6
Я не работаю	37,1	31,2	28,4	24,9	30,5	21,1
Затрудняюсь ответить	5,4	7,2	6,7	6,9	6,8	6,6

Коэффициент Крамера 0,073, Вероятность ошибки (значимость): 0,253

Общественная активность и выраженность гражданской позиции также оказались не зависящими от горизонта планирования. Уровень участия в различных формах местного самоуправления и территориального общественного самоуправления среди респондентов, «живущих сегодняшним днем», и тех, кто планирует свою жизнь на максимальный срок – более 10 лет, оказался

практически идентичным (19,3% и 18,4%, соответственно) (таблица 6).

Точно так же распределился и потенциал общественно-политического участия. Желание принять участие в деятельности по общественному контролю решений власти изъявили 28,6% респондентов, «живущих сегодняшним днем», и 31,6% планирующих свое будущее на перспективу более 10 лет (таблица 7).

Таблица 6
Table 6

Скажите, приходилось ли Вам в течение последнего года принимать участие в деятельности территориального общественного самоуправления, сходах и собраниях граждан, публичных слушаниях и других формах местного самоуправления? / На какой срок вы планируете свое будущее?, %

Have you taken part in the activities of territorial public self-government, gatherings and meetings of citizens, public hearings and other forms of local self-government over the past year? / For how long do you plan your future?, %

	Не планирую будущее, живу сегодняшним днем	Менее года	На один-два года	На три-пять лет	На шесть-десять лет	Более десяти лет
Да	19,3	19,9	18,4	24,4	13,6	18,4
Нет	78,0	77,4	78,3	72,4	79,7	75,0
Затрудняюсь ответить	2,7	2,7	3,3	3,2	6,8	6,6

Таблица 7
Table 7

Если бы Вам предложили войти в состав общественного совета по оценке решений, принимаемых органами местной власти, и от Вас потребовалась бы реальная работа, согласились бы Вы или отказались? / На какой срок вы планируете свое будущее?, %

If you were offered to be a member of the public council for evaluating decisions made by local authorities and you were supposed to do real work, would you agree or refuse? / For how long do you plan your future?,%

	Не планирую будущее, живу сегодняшним днем	Менее года	На один-два года	На три-пять лет	На шесть-десять лет	Более десяти лет
Согласился	28,6	37,1	33,8	39,2	30,5	31,6
Отказался	55,2	48,4	49,8	48,4	55,9	48,7
Затрудняюсь ответить	16,2	14,5	16,4	12,4	13,6	19,7

Крайне ограниченный горизонт планирования у подавляющего большинства представителей регионального социума, отсутствие его взаимосвязи с большинством параметров личной активности могут создать представление о доминирующем в массовом сознании фатализме. Однако это не так. Большинство – 60,3% опрошенных – считает личные усилия и активность ключевыми в достижении / недостижении богатства и успеха. Вторым по значимости фактором является характер ближайшего окружения индивида, особенности микрогруппой социализации, выраженные параметром «семейное воспитание, помощь семьи и родственников». Его отметили 40,2% опрошенных. На третьем месте находится фактор внесоциального характера – стечение обстоятельств, судьба (22,8%). Фактор несправедливости общественного устройства, в наибольшей мере выражающий внешнюю локализацию жизненного успеха и социального неравенства, находится по значимости на четвертом месте (18,8%). Исходное неравенство способностей, заложенное самой природой, также отражающее роль не зависящих от личности обстоятельств, отметили 15,2% опрошенных. То есть личная

активность и целеустремленность при эффективной поддержке ближайшего окружения являются ключевым фактором социального успеха. Проблема, однако, состоит в том, что, во-первых, сочетание этих двух параметров, не так уж часто встречается, и, во-вторых, ситуация в обществе настолько изменчива, что использовать благоприятные факторы лучше исходя из ситуационной конъюнктуры и не задаваться необходимостью выстраивания «длинных» стратегий. Именно такой вывод можно сделать, анализируя массовые мнения установки.

Заключение (Conclusions). Таким образом, установка на длительные сроки планирования своего будущего оказалась малозначимой в контексте ее влияния на общественную и профессионально-деловую активности граждан. Планирование своего будущего, как показали результаты исследования, не является для большинства жителей российской провинции способом регулирования социальных рисков и неопределенности, связанных с трудовыми и гражданскими практиками. Отдаленность или приближенность горизонта планирования, наличие или отсутствие жизненных стратегий лишь в очень не-

большой степени имеют социально-статусную детерминацию, являясь, во-первых, производными от специфики макросоциальной динамики, и, во-вторых, представляя собой специфические личностные характеристики, обусловленные социально-психологическим контекстом.

В ситуации нарастания в современном обществе, в том числе, российском, риска и неопределенности происходит индивидуальный селективный отбор адаптационных практик. Но было бы крайне опрометчиво считать, что в данном отборе доминирует рациональная мотивация, происхождение которой, к тому же, можно интерпретировать, исходя из статусных характеристик.

Действительно, для кого-то комфортнее минимизировать горизонт планирования или вообще жить «сегодняшним днем» (и таких большинство среди жителей российской провинции), кому-то кажется оптимальным формировать «длинные» жизненные стратегии (что является достаточно несчастным). К тому же, по всей видимости, выбор стратегического или тактического мышления и модуля поведения далеко не всегда является результатом рефлексии и лишь в небольшой степени зависит от статусных позиций индивида. Лишь возраст и, отчасти, уровень материального благосостояния хотя бы слабо, но влияют на горизонт планирования своего будущего. В свою очередь, горизонт планирования, будучи, скорее, не социально, а социально-психологически детерминированным, в очень небольшой степени влияет на социальную мобильность, общественную активность и социальные практики в целом.

Список литературы

Барабанова В. В., Зеленова М. Е. Представление студентов о будущем как аспект их личностного и профессионального самоопределения // Психологическая наука и образование. 2002. № 2. С. 28-41.

Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. в англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 390 с.

Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. № 5. С. 60-74. URL: https://ecsoc.hse.ru/2002-3-5/annot.html#doc_26593677 (дата обращения: 15.08.2019).

Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Пер. с нем. Л. Ю. Пантиной. М.: РОССПЭН, 2002. 284, [2] с.

Кравченко С. А. Метаморфозы: сущность, усложняющиеся типы, место в социологическом знании // Социологические исследования. 2017. № 10. С. 3-14.

Наумова Н. Ф. Жизненная стратегия человека в переходном обществе // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 5-22.

Немировский В. Г., Немировская А. В. Социальная конкурентоспособность: шансы на успех у молодежи и взрослых // Социологический журнал. 2018. № 2. С. 135-149.

Тихонова Н. Е. Российский средний класс: особенности мировоззрения и факторы социальной мобильности // Социологические исследования. 2000. № 3. С. 13-23.

Чердниченко Г. А. Личные планы выпускников средних учебных заведений (сравнительный анализ) // Социологические исследования. 2001. № 12. С. 108-115.

Чердниченко Г. А. Личные планы выпускников средней школы // Социологические исследования. 2005. № 7. С. 114-117.

Яницкий О. Н. «Турбулентные времена» как проблема общества риска // Общественные науки и современность. 2011. № 6. С. 155-164.

Bauman Z. *Retrotopia*. Cambridge: Polity Press, 2017.

Dahrendorf R. *Life Chances: Approaches to Social and Political Theory*. Chicago: The University of Chicago Press, 1979.

Lash S., Urry J. *The End of Organized Capitalism*. Cambridge: Polity Press, 1987.

Nurmi J.-E. How do adolescents see their future? A review of the development of future orientation and planning // *Developmental Review*. 1991. Vol. 11, № 1. P. 1-59.

Steinberg L., Graham S., O'Brien L., Woolard J., Cauffman J., Banich M. Age differences in future orientation and delay discounting // *Child Development*. 2009. Vol. 80, № 1. P. 28-44.

Urry J. *Global Complexity*. Cambridge: Polity Press, 1987.

References

Barabanova, V. V. and Zelenova, M. E. (2002), "Students' vision of the future as an aspect of their personal and professional self-determination", *Psychological Science and Education*, (2), 28-41. (In Russian).

Bauman, Z. (2005), *The Individualized Society*, Translated by Inozemtsev, V. L., Logos, Moscow, Russia. (In Russian).

Bek, U. (2000), *Risk Society, Towards a New Modernity*, Translated by Sedel'nik, V and Fyodorova, N., Progress-Traditsiya, Moscow, Russia. (In Russian).

Burd'e P. (2002), "The forms of capital", *Journal of Economic Sociology*, (5), 60-74. [Online], available at: <http://bourdieu.name/node/106> (Accessed 15 August 2019). (In Russian).

Darendorf, R. (2002), *Modern social conflict. Freedom Policy Essay*, Translated by Pantina, L. Yu., ROSSPEN, Moscow, Russia. (In Russian).

Kravchenko, S. A. (2017), "Metamorphoses: essence, more complex types, place in sociological knowledge", *Sociological Studies*, (10), 3-14. (In Russian).

Naumova, N. F. (1995) "Human life strategy in a transitional society", *Sociological Journal*, (2), 5-22. (In Russian).

Nemirovskiy, V. G., Nemirovskaya, A. V. (2018), "Social Competitiveness: Youth and Adult Opportunities for Success", *Sociological Journal*, (2), 135-149. (In Russian).

Tikhonova, N. E. (2000), "Russian middle class: worldview features and factors of social mobility", *Sociological Studies*, (3), 13-23. (In Russian).

Cherednichenko, G. A. (2001), "Personal plans of secondary school graduates (comparative

analysis)", *Sociological Studies*, (12), 108-115. (In Russian).

Cherednichenko, G. A. (2005), "Personal High School Graduate Plans", *Sociological Studies*, (7), 114-117. (In Russian).

Yanitskiy, O. N. (2011), "«Turbulent times» as a problem of a risk society", *Social Sciences and Contemporary World*, (6), 155-164. (In Russian).

Bauman, Z. (2017), *Retrotopia*, Polity Press, Cambridge, UK.

Dahrendorf, R. (1979), *Life Chances: Approaches to Social and Political Theory*, The University of Chicago Press, Chicago, USA.

Lash, S. and Urry, J. (1987), *The End of Organized Capitalism*, Polity Press, Cambridge, UK.

Nurmi, J.-E. (1991), "How do adolescents see their future? A review of the development of future orientation and planning", *Developmental Review*, 11 (1), 1-59.

Steinberg, L., Graham, S., O'Brien, L., Woolard, J., Cauffman, J. and Banich, M. (2009), "Age differences in future orientation and delay discounting", *Child Development*, 80 (1), 28-44.

Urry, J. (1987), *Global Complexity*, Polity Press, Cambridge, UK.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Реутов Евгений Викторович, кандидат социологических наук, доцент Белгородского государственного национального исследовательского университета. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0003-0270-168X>.

Evgeny Victorovich Reutov, PhD in Sociology, Associate Professor, Belgorod State National Research University. ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0003-0270-168X>.